

Глава 18

Человеческое лицо способно выражать богатейшую палитру эмоций. В тот миг, когда Ли Шиминь обернулся, по его взгляду, выражению лица и неловким движениям рук Ли Шэн чудесным образом понял, что творится в душе принца.

«А-а-а, что же делать — это же отброс общества! Но Салучзы специально привёл меня к нему, может, в этом есть какой-то скрытый смысл? Вряд ли, у него же на лице написано, что он негодяй. Или Салучзы считает его полезным? Что же делать, что делать? Если я его не приму, не обижу ли я Салучзы? А если он снова рассердится и перестанет со мной разговаривать?»

Конь тряхнул гривой.

«Эр Фэн, ты меня не понимаешь»

Заметив, что Чжу Цань открывает рот, Салучзы сообразил: если этот злодей сейчас во всеуслышание заявит о желании присягнуть Тан, прикончить его будет сложнее.

Это могло создать дурную репутацию: человек проделал долгий путь, чтобы сдаться, а его отвергли. Подобный поступок мог отпугнуть других потенциальных союзников.

«Чтобы ты не наговорил лишнего, тебе лучше вообще молчать»

Салучзы молниеносно рванулся вперёд и со всей силы лягнул людоеда в грудь.

«Ешь людей, да? Грабишь и убиваешь, да? Твою мать, сдохни!»

Салучзы был божественным скакуном, способным преодолевать тысячи ли в день. В последнее время во дворце Чанчунь он только и делал, что ел и пил, отчего заметно потяжелел. Его вес теперь был весьма внушительным.

Добавим к этому праведный гнев, и удар копытами получился такой силы, что Чжу Цань почувствовал острую боль, и из его рта тут же брызнула кровь.

Ли Шиминь и его телохранители почувствовали лишь пронёсшийся мимо порыв ветра и услышали глухой, мощный звук удара. В следующее мгновение они увидели Чжу Цаня, лежащего на земле.

Цинь-ван и его люди застыли в изумлении: ㄱ(๐๐๐)ㄱ

«Неужели Салучзы специально привёл нас сюда, чтобы прикончить этого негодяя?»

Это было... просто великолепно!

По правде говоря, в смутные времена всем жилось тяжело, и в деревнях случались ужасные вещи, когда от голода ели своих детей. Но это происходило от полной безысходности. А Чжу Цань? Он в массовом порядке использовал живых людей в качестве провианта для своей армии!

Кто захочет иметь такого соратника? Одно только его имя вызывало отвращение.

Чэн Чжицзе оказался на редкость сообразительным. Пока Чжу Цань не мог перевести дух, он шагнул вперёд и гневно закричал:

— Негодяй! Как ты посмел совершить покушение на нашего Цинь-вана! Если бы не верный Салучзы, защитивший своего господина, ты бы похитил Его Высочество! Говори, кто тебя подослал! Ван Шичун или Лю Учжоу?

В суматохе один из телохранителей споткнулся, и кинжал, висевший на его поясе десе, соскользнул на землю. Ли Шэн, заметив это, одним точным ударом копыта отбросил оружие к руке лежащего врага.

Чэн Чжицзе, внезапно «ослепнув» ко всему остальному, воскликнул:

— Да у тебя ещё и кинжал был припрятан!

С трудом поднявшись на ноги, Чжу Цань услышал эту наглую ложь. Посмотрев на кинжал у своей руки, явно танского производства, он почувствовал, как боль в груди усилилась от ярости.

«Чэн Чжицзе, ты @#\$! Ли Шиминь, ты тоже хорош, ещё смеешь говорить, что ценишь таланты!» — бесновался он про себя.

Но сейчас при нём было всего несколько тысяч ослабленных солдат, а у принца — отборные воины. Поэтому он, сдерживая муку, выдал из себя подобие улыбки.

— Как я мог покушаться на Цинь-вана? Я пришёл, чтобы присягнуть ему на верность!

Сказав это, он посмотрел на принца. Тот хранил молчание. «Неужели он попал в неловкое положение и не знает, как ответить?» — подумал Чжу Цань.

Считая себя очень тактичным, он решил помочь Ли Шиминю сохранить лицо:

— Это просто конь взбесился и ударил меня. Генерал Чэн, должно быть, ошибся. Эта лошадь слишком норовиста, Вашему Высочеству лучше больше на ней не ездить.

Ли Шэн уставился на него, вытаращив глаза.

«Что ты там твякаешь?!»

Чэн Чжицзе, Цинь Шубао и телохранители посмотрели на пленника с недоумением. Они гадали: он правда считает себя таким умным?

Ли Шиминь тем временем поспешно удержал Салучзы, который уже собирался снова лягнуть врага. Чжу Цань уже был начеку, и если бы конь поранился, было бы плохо.

— Негодяй Чжу Цань под видом сдачи намеревался совершить покушение. Казнить на месте!

Цинь Шубао, который до этого не успел поддержать своего господина, теперь решил проявить себя. Услышав приказ, он тут же натянул свой большой лук. Чжу Цань не успел и рта раскрыть, как стрела пронзила его сердце.

Ли Шэн смотрел на Чжу Цаня, чьи глаза остались широко раскрытыми. Тот, вероятно, до самого конца так и не понял, как всё могло так обернуться.

Но что насчёт тех крестьян, чьё зерно было сожжено? Что насчёт невинно убитых детей? Они до самой смерти так и не поняли, почему их жизнь была такой горькой.

Когда с людоедом было покончено, его подчинённые пали на колени и сдались. Ли Шиминь приказал разобраться с ними. Среди них были и те, кто творил злодеяния вместе со своим господином, и те, кто подчинялся лишь из страха. Нужно было тщательно отделить одних от других.

На обратном пути принц погладил Салучзы по голове.

— Эх, глупая лошадь доставляет хлопоты, но и слишком умная — тоже не подарок. Салучзы настолько разумен, что почти как человек.

Ли Шэн, разделавшись со злодеем, чувствовал необычайную лёгкость, словно над его головой постукивал ритуальный деревянный молоточек: «Заслуга +1, +1, +1...»

Когда-то Ли Шэн читал в интернете, как сильно искажаются слухи, передаваясь от человека к человеку. Теперь он испытал это на себе.

Поскольку всё видели только Ли Шиминь, Цинь Шубао, Чэн Чжицзе и несколько телохранителей, а остальные солдаты не разглядели деталей, по лагерю поползли легенды. На следующий день конюх, насыпая Ли Шэну корм, рассказывал товарищу:

— Говорят, тот Чжу Цань спрятал в рукаве кинжал и хотел заколоть Цинь-вана, но генерал Чэн Чжицзе это заметил и одним ударом ноги свалил его.

«Враньё! — возмутился конь про себя. — Это я его лягнул!»

— Нет, ты не так слышал, — возразил другой. — Говорят, Чжу Цань нагло заявил, что Салучзы — бешеная кляча и что Цинь-ван на ней рано или поздно свернёт себе шею. За это генерал Цинь Шубао и застрелил его из лука.

«Вряд ли Чжу Цань был настолько глуп», — хмыкнул Ли Шэн.

— А я слышал, что Чжу Цань метнул кинжал в Цинь-вана, а Салучзы ударом копыта отбил его так, что тот вонзился прямо в сердце врага!

Ли Шэн был в шоке.

«Бумеранг, значит. Это ещё более невероятно».

Впрочем, ничего страшного в этом не было. Он слушал сплетни с интересом, словно комедийное выступление.

***

Ноябрь 619 года

***

Хуанхэ покрылась льдом. Ли Шиминь повёл свою армию через Лунмэнь на восток и разбил лагерь в Боби, встав напротив сил Сун Цзингана, полководца Лю Учжоу.

На этот раз Ли Юань бросил в бой все силы Гуаньчжуна — вся страна поднялась на возвращение Хэдуна. Ли Шиминь, в свою очередь, вывел весь цвет своей резиденции.

Цинь Шубао, Чэн Чжицзе, Чжай Чансунь, Цинь Утун, Инь Кайшань, Хоу Цзюньцзи, Ли Шицзи, Ли Даоцзун, Ло Шисинь, Пэй Жэньцзи, Пэй Синъянь... все были могучими воинами.

Ли Шэн смотрел на них с гордостью. Несколько из этих карт ранга «SSSR» помог собрать

принцу именно он.

Впрочем, глядя на это скопление талантов, Ли Шэн понимал, почему Ли Юань медлил с отправкой сына в бой. Все лучшие полководцы Тан были на стороне Цинь-вана. Если не сдерживать его, авторитет принца станет настолько велик, что его уже никто не сможет контролировать.

Но факт оставался фактом: кроме команды Ли Шиминя, воевать было некому. Ли Юаньцзи и Пэй Цзи, словно трусливые кролики, раз за разом спасались бегством.

Разбив лагерь, Ли Шиминь вместе с Ли Даоцзунем поднялся на стену города Юйби, чтобы осмотреть позиции противника.

— С апреля Лю Учжоу захватывает город за городом. Его продвижение неудержимо. Теперь, когда наша армия здесь, Сун Цзинган каждый день посылает людей к стенам, вызывая нас на бой. Как ты думаешь, что нам следует делать?

Ли Даоцзун, хоть ему было всего семнадцать лет, с ранней юности участвовал в походах и обладал прекрасным стратегическим чутьём.

— Сейчас враг на пике своей силы, мы не можем вступать с ним в прямое столкновение. Лучше всего укрепить лагерь и держать оборону. У Лю Учжоу мало продовольствия, а погода становится всё холоднее. Со временем, когда у них кончатся припасы и боевой дух упадёт, наступит наш час.

Принц обернулся и с одобрением посмотрел на юношу:

— Я думаю так же.

По приказу Ли Шиминя танская армия перешла к глухой обороне. Сколько бы Сун Цзинган ни кричал под стенами, как бы грязно ни ругался, воины принца делали вид, что не слышат.

Но Ли Шиминь не сидел без дела. Он часто посылал небольшие отряды кавалерии для набегов, используя их мобильность для партизанских атак. Сун Цзинган был в ярости.

Ли Шэн тоже участвовал в этих вылазках. Они устраивали засады, нападали на обозы с продовольствием, а иногда даже увозили часть зерна прямо под носом у врага.

Охранники обозов были простыми людьми. Иногда, завидев нападающих, они просто сдавались. Ли Шиминь не причинял им вреда — их связывали и уводили с собой.

В один из дней они столкнулись с обозом, который сопровождала кавалерия. Ли Шиминь взял с

собой Пэй Жэньцзи и Пэй Синъяня, а также Инь Кайшаня и Ли Даоцзуна. В открытом бою им не было равных. Они сошлись в короткой схватке, но Ли Шиминь, увидев приближение подкрепления, натянул поводья и увёл своих людей. Они вернулись в город, и ворота закрылись прямо перед носом у Сун Цзингана, оставив того в бессильной ярости.

Ли Шэн, мчавшийся во весь опор, думал: «Ух, вот это адреналин!»

Он вместе с Ли Шиминем поднялся на городскую стену.

Да, почему конь оказался на стене? Потому что Системе нужно было собрать изображения, и Ли Шэн, устроив настоящую истерику, добился этой привилегии.

Вскоре на стену поднялся и Чэн Чжицзе. После случая с Чжу Цанем Ли Шэн проникся к нему симпатией — очень уж быстро тот соображал!

Ли Шиминь заметил, что в последние дни Салучзы часто ластится к Чэн Чжицзе и даже с удовольствием ест из его рук вотоу.

Сейчас генерал смотрел на Сун Цзингана вниз.

Тот сидел на большом вороном коне, которого, видимо, очень ценил. На лбу у скакуна красовалось нефритовое украшение в форме лотоса — баснословно дорогое, с фиолетовым отливом в самом центре.

Чэн Чжицзе, уже знавший о необычном уме Салучзы, заметил, как тот уставился на лоб вражеского коня.

— Ваше Высочество, — предложил он, — позвольте мне сразиться с ним. Я отниму этот белый нефрит и отдам Салучзы.

Услышав это, Ли Шэн на мгновение застыл.

«Дело плохо, — подумал он. — Похоже, с подачи генерала Чэна я превращаюсь в настоящего задиру».

<http://bllate.org/book/16003/1501226>